

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008:14

DOI: 10.20323/1813-145X_2023_5_134_229

EDN: KJUKIQ

Рождение советского человека в восприятии поэтов и писателей – современников и участников Революции и Гражданской войны

Сергей Анатольевич Никольский

Доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии культуры. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

s-nickolsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Аннотация. Современное российское общество, отказавшись от проекта «СССР», начиная с его распада в 1991 году ведет себя довольно легкомысленно. Оно не предпринимает масштабных попыток осознания истоков возникновения и причин краха феномена «советского», не анализирует его многогранное сложное содержание, хотя пока еще живы те, чья жизнь в той или иной мере пришлась на бытие советского строя, и они могли бы быть если не творцами, то, по крайней мере, компетентными участниками выработки такого рода знания и понимания. Вопрос – каким был и, значит, как создавался советский человек, внутри проблематики «советского» – один из самых значимых. И наряду с исследованиями в области историософии, политики, философии, истории, социологии и экономики, важно его художественно-литературное изображение и понимание. Добыть таковое помогают современники – писатели и поэты, активно участвовавшие или жившие внутри событий Октябрьского переворота и последующей гражданской войны. В литературе, например, это гениальные Андрей Платонов, Иван Бунин, Михаил Шолохов, Осип Мандельштам, Александр Блок и Владимир Маяковский, в кинематографе Сергей Эйзенштейн и Александр Довженко. Также в когорте большевистских адептов состояло много и менее одаренных писателей и поэтов, как, например, прошедшие школу гражданской войны Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Иосиф Уткин, Михаил Светлов. Как в произведениях некоторых из названных авторов представлено рождение нового советского человека – тема статьи.

Ключевые слова: советское; новый человек; общество; революция; гражданская война; культура; философия; история; литература

Для цитирования: Никольский С. А. Рождение советского человека в восприятии поэтов и писателей – современников и участников Революции и Гражданской войны // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 5 (134). С. 229-236. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_5_134_229. <https://elibrary.ru/KJUKIQ>

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

Original article

The birth of the soviet man in perception of poets and writers – contemporaries and participants of the Revolution and Civil War

Sergei Anatolievich Nikolsky

Doctor of philosophical sciences, chief researcher, cultural philosophy sector, Institute of philosophy of the Russian academy of sciences. 109240, Russian Federation, Moscow, Goncharnaya st., 12, bldg. 1

s-nickolsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Abstract. Modern Russian society, which abandoned the USSR project, stays quite thoughtless since the USSR collapse in 1991. There are no fundamental attempts to understand neither the origins of rise of the «Soviet» phenomenon, nor the causes of its downfall, there is also no analysis of its complex content, although those whose lives another contemporize to a degree with the existence of the Soviet system are still alive, so they could be if not the creators then at least the competent participants for forming such knowledge and understanding. The question of what the Soviet man was and therefore how he was created within the problematic of the «Soviet» is one of the most

significant. Along with the research in the field of historiography, politics, philosophy, history, sociology and economics, image and understanding in art and literature are also important. The contemporaries (writers and poets who actively participated or lived inside the events of the October revolution and the subsequent Civil war) help us to find such understanding. In literature these are such brilliant examples as Andrei Platonov, Ivan Bunin, Mikhail Sholokhov, Osip Mandelstam, Alexander Blok and Vladimir Mayakovsky, in cinema these are Sergey Eisenstein and Alexander Dovzhenko. There were also many less gifted writers and poets in the cohort of Bolshevik adherents, who passed through the Civil War school, such as Isaac Babel, Eduard Bagritsky, Joseph Utkin, Mikhail Svetlov. The topic of the article is how the birth of a new Soviet man is represented in the works of some of these authors.

Keywords: Soviet; new man; society; revolution; civil war; culture; philosophy; history; literature

For citation: Nikolsky S. A. The birth of the Soviet man in perception of poets and writers – contemporaries and participants of the Revolution and Civil War. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023; (5): С. 229-236. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_5_134_229. <https://elibrary.ru/KJUKIQ>

Образы Октябрьского переворота и Гражданской войны в советское время создавались и внедрялись в сознание людей исключительно как пропагандистский продукт (Прим. 2). Его содержанием были идеи: руководимая Лениным партия большевиков, выражавшая волю народа, свергла буржуазное Временное правительство, дала «мир народам и хлеб голодным», передала землю крестьянам, а фабрики и заводы рабочим; желавшие реставрации царизма «белые» – городская буржуазия, деревенские кулаки, враждебные социальные слои и группы, а также надеявшиеся покорить советскую республику иностранные интервенты развязали в стране Гражданскую войну, но были разбиты; новая пролетарская власть открыла дорогу для прежде угнетенных масс, в стране началась новая жизнь, зародился новый советский человек.

Такого рода пропаганда, ловко смешивавшая правду и вымысел, сопутствовала всему советскому времени. Спустя семьдесят лет, потеряв способность насиловать человеческую природу и обманывать людей, СССР потерпел крах. Однако сталинизм как сердцевина советского, один из наиболее беспощадных и всеобъемлющих видов известного истории тоталитаризма, до настоящего времени не изжит.

На решение пропагандистской задачи были направлены усилия тех профессиональных «горланов-главарей», кто беззаветно верил в дело русских большевиков и потому их действия, каковы бы они ни были, оправдывал, принимал и пропагандировал в художественной упаковке. Среди искренних сторонников, стойко или с колебаниями заблуждавшихся, были, в том числе, и мировые таланты. В поэзии, например, Александр Блок и Владимир Маяковский, в кинематографе – Сергей Эйзенштейн и Александр Довженко. Также в когорте большевистских адептов состояло много и других, менее известных, но тоже талантливых поэтов, как, например, прошедшие школу Гражданской войны Эдуард Багрицкий, Иосиф Уткин,

Михаил Светлов. И поскольку влияние «инженеров человеческих душ» по крайней мере на грамотную часть общества было велико, об их вкладе в дело советского коренного переустройства общества и создания «нового человека» нужно сказать отдельно. Именно их образами и идеями создавался «новый советский человек».

* * *

О посвященной Октябрю поэме Блока «Двенадцать» [Блок, 1980] написаны сотни, если не тысячи исследований, что исключает мое скольконибудь внимательное к ней обращение. Отмечу лишь очевидную калейдоскопическую «вьюжность» наполняющих ее «метельных» сюжетов: здесь и революционные транспаранты–лозунги, и старый мир как «пес голодный», и религия–дурман, и бандитская гульба, и смерть, и Христос «в венчике из роз». В этой кутерьме, новом вселенном хаосе гибнет и, одновременно, рождается новый мир. Без плана. Без демиурга. Без героя. Хаос, смешение всего и вся, вакханалия на всю страну. Нет гармонии, нет намека на всеобщую радость, нет осанны (Прим. 3). Прав И. А. Бунин: «“Блок слышит Россию и революцию, как ветер...” О, словоблуды! Реки крови, море слез, а им все нипочем» [Бунин, 2006, с. 304], (Прим. 4).

Напротив, более определенно и беспощадно о материализованной в народе идее большевизма, например, у Евгения Замятина в коротком рассказе «Дракон» [Замятин, 2003]. Молоденький малого роста, напоминающий дракона красноармеец в лютый мороз с замерзшими руками и оттопыренными ушами из-под буденовки на площадке питерского трамвая сообщает незримому собеседнику как он вел – конвоировал задержанного. Однако не довел – проткнул штыком, потому как у того «морда интеллигентная – просто глядеть противно. И еще разговаривает, стервь...» [Замятин, 2003, с. 473]. И тут же, кончив рассказ,

подымает с пола и отогревает дыханием – спасает от смерти – замерзшего воробыша.

При разности угла зрения, оба – Блок и Замятин – об одном: революция – адская смесь, в которой добро и зло переплетены, по-отдельности неразличимы, но в этом хаосе явно каждодневное доминирование зла.

Иной в отношении к большевизму Маяковский – первый среди адептов советской власти и Октября, действительно гениальный, равно как и лучший, по выражению Сталина, поэт социалистической эпохи, однако часто «щеголявший стоеросовой прямокой суждений» (И. Бунин). Он откликается на каждое проявление нового строя – от взятия Зимнего и фигуры Ленина до продотрядовской разверстки и церковных грабежей. Всегда на стороне большевиков. Симпатий своих, не допуская колебаний и сомнений, не скрывает. Напротив, выставляет перед собой как знамя, в том числе, приписывает новым хозяевам жизни не бывших у них запредельных заслуг. Так, в поэме «Владимир Ильич Ленин» о Сталине сообщает: «От гуда / дрожит / взбудораженный Смольный. / В патронных лентах / внизу пулеметчики. / – Вас / вызывает / товарищ Сталин. / Направо / третья, / он / там» [Маяковский, 1957, с. 281]. Но в Смольном 25 октября Сталина не было. Не знать об этом Маяковский не мог. Художественное преувеличение? Лесть? Отмечу несомненное: поэма написана в 1924 году, после смерти Ленина и уже при фактическом руководстве Сталина партией и, значит, страной. «Горлан-главарь» и здесь первый среди «толпящихся у трона» пропагандистов.

Октябрьский переворот, продолживший дело Февраля, прежде всего присвоил себе решенные задачи буржуазной революции: свержение самодержавия; экономическую свободу, понятую крестьянами как черный передел и новые возможности для эффективного труда. Она была обретена земледельцами, хотя и против воли большевиков; реальные условия для политических свобод и развития гражданского общества, которые уничтожили остатки феодализма в политической сфере.

Оставив за скобками «военный коммунизм» [см., напр.: Никольский, 2003], отмечу несомненное. С началом НЭПа и благодаря Октябрю низовой слой российского народа действительно шагнул в новую жизнь. Для него открылись возможности получения минимального образования (программа ликвидации безграмотности); после голода 1921–1922 годов – возможность относительно сытой жизни (продовольственный налог на превышал объема половины разверстки периода «военного коммунизма» и – главное – не менялся

от года к году); для низов стало доступно медицинское обслуживание, они могли трудиться и не бояться безработицы. Все это, как показал ранее, не благодаря, а против воли большевиков из их опасения потерять власть. Как откровенничал Ленин – НЭП – это «сделать “веревку” более свободной, не разрывая её, “отпустить” “полегче”» [Ленин, 1970, с. 372]. Думаю, эта ленинская записка – из тезисов выступления, сделанная для себя – дает однозначный ответ на вопрос – на длительный или короткий период прогнозировался вождем НЭП.

Вместе с низовыми массами прошлого победителями из пламени Гражданской войны вышла и молодежь – будущие «новые люди». При этом, ничего, кроме гордости за одержанные победы и оправдания себя за совершенные смерти (а чаще – равнодушия или удовлетворения от сделанного) у победителей не было и не могло быть. Зато впереди скоро обещалось и вообразалось только светлое. Как говорил герой фильма Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин»: «Посадим сад и еще сами успеем погулять в том саду».

Опыт Гражданской войны, героические и трагические настроения ее участников воплощали в художественных образах и сюжетах пролетарские поэты. Вот знаменитая «Дума про Опанаса» Эдуарда Багрицкого. О судьбе крестьянина, вынужденно сделавшегося бандитом в шайке Нестора Махно. «...Наступил последний вечер, / Покрыть тебе нечем! / Опанас, твоя дорога – / Не дальше порога. / Что ты видишь? Что ты слышишь? / Что знаешь? Чем дышишь?» [Багрицкий, 1934, с. 88–89]. Молчит Опанас...

А вот столь же трагичная, но и, одновременно, обнадеживающая история – «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайе и комиссаре Блох» Иосифа Уткина. В ней нет назначенного судьбой, как у Опанаса, жестокого выбора без выбора. Все трагически и оптимистически predetermined. И свержение царя, и кишиневские еврейские погромы, и большевистская власть. А что же герой? «Не-ет, он шагал недаром / В ногу с тревожным веком. / И пусть он – не комиссаром, Достаточно – Че-ло-ве-ком! / Можно и без галопа / К месту приехать: / И Мотэле будет штопать / Наши прорехи» [Уткин, 1961, с. 321].

Уткин – редкий случай – высказывается не в духе доминирующего у поэтов настроения «бури и натиска». Не с руки много страдавшему в жизни еврейскому пареньку соревновательная суета. Да и опыт жизни еврейства в России и на Украине приучил верить только во временное, всегда ненадежное, меняющееся. Сильна память о еврей-

ских погромах, свежи могилы убитых черносотенцами родственников. Неизменно только одно – во всем виноваты «жиды» (Прим. 5). И уж совсем не к заздравному пафосу слова про «наши пророчи». Иосиф Уткин не во всем адекватен эпохе.

Напротив, как и пафосная «Смерть пионерки» Эдуарда Багрицкого, типична возвышенная революционно-романтическая поэма Михаила Светлова «Гренада». Добро, как его понимали не только мечтатели–вожди, но и рядовые коммунисты, должно было быть добром для всего мира («Всемирного СССР»), потому что справедливость не бывает отмерянной и частичной. «Я хату покинул, / Пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде / Крестьянам отдать. / Прощайте, родные! / Прощайте, семья! / «Гренада, Гренада, Гренада моя!» [Светлов, 1974, с. 156]. Революционное настроение доминантно до безжалостности: «...Отряд не заметил потери бойца» [Светлов, 1974, с. 157]. Даже если речь шла об эскадроне – до сотни сабель, то и в этом случае его третья часть – взвод, в котором служил боец, вряд ли мог «не заметить». Но таков уж был свойственный поэме радостно-наступательный пафос, так пропагандистски сладка смерть за идею.

Мечта о мировой и даже вселенской справедливости (Прим. 6) была всеохватна и для горячечных голов упоительна. Как и великий лозунг раннего Маркса «Свободное развитие каждого – условие свободного развития всех». И, соглашусь: несмотря на то, что знание о настоящей Гражданской войне исключает высокое эмоциональное переживание и мечту о Гренаде [Прим. 7], это не снижает пафоса произведения как такового.

Сказанное – не реальность сама по себе, но реализующаяся через фантазии и грезы о будущем, мечта, которая подчас сильнее и значимее, чем сама реальность. Более того: все, что ни делается сейчас, заведомо объясняется и оправдывается как диктуемая будущим необходимость. Настоящее, его понимание и представление допускается и свободно принимается даже в форме изнасилованного будущим. Прелесть мечты сильнее наличной реальности. Таковым и должно быть подлинное большевистское сознание, складывающееся из трех краеугольных основ – *фантазии, веры и фанатизма*.

Эмигрировавший во Францию еще в 1920 году первый русский лауреат Нобелевской премии писатель Иван Алексеевич Бунин [Никольский, 2020] на Октябрь и Гражданскую войну откликнулся «Окаянными днями» – заметками, составленными на основе дневниковых записей, сделанных в Москве и в Одессе в 1918–1920 годах. За-

метки – в чистом виде свидетельство современника, не только лично наблюдавшего происходящее, но и зафиксированное на крайне малой дистанции, часто лицом к лицу. Об этой своей особенности – *чувствовать человека физически*, а не только воспринимать его через произносимые слова – о Бунине говорят знавшие его лично (Прим. 8).

Но если тексты Бунина сочтятся авторским отношением к происходящему, вскрывают физиологию реальности через авторское вчувствование в наблюдаемых героев, то тексты И. Э. Бабеля – пример анатомического анализа происходящего у него на глазах. Бабель как бы внутри прозекторской, реальность для него – множество живых и мертвых организмов, состоящих из мертвецов с костной, хрящевой и соединительной тканями, которые автор описывает, редко обращая внимание на их индивидуальное устройство. Он – систематизатор и классификатор, хотя созданием общей картины себя не обременяет, оставляя это читателю. Проявившийся в «Конармии» способ литературно-философского анализа Бабеля – понимание и изображение происходящего через *документальные зарисовки нового советского человека* в Гражданской войне и в польском походе без претензии на составление его цельного анатомического атласа.

Точен Виктор Шкловский, отметивший, что хотя Бабель не чужд пафоса, но говорит «никогда не взволнованным» голосом: «Бабель увидел Россию, так как мог увидеть ее француз – писатель, прикомандированный к армии Наполеона» [Шкловский, 1924, с. 154]. При этом, «смысл приема Бабеля состоит в том, что он одним голосом говорит и о звездах, и о триппере» [Шкловский, 1924, с. 154]. В отличие от многих своих литераторов–современников, Бабель и после революции в своих текстах сохранил «стилистическое хладнокровие» [Шкловский, 1924, с. 152].

Своей строго выдержанной позицией беспристрастного наблюдателя происходящего Бабель начал прокладывать в советской литературе дорогу, по которой пошел Б. Л. Пастернак [Пастернак, 1989], (Прим. 9) и которую по-своему достроил далее В. Т. Шаламов [Шаламов, 2013].

Позиция хладнокровного стороннего наблюдателя с ярко выраженной особенностью внимания к морфологической структуре реальности на примере сражающейся военной силы – весомое дополнение к глубинной физиологии текста «Окаянных дней», новый штрих к пониманию верхних слоев фундамента, на котором воздвигается феномен «нового советского человека». И в это новое также входит Брестский мир и попытки Вар-

шавы в течение 1918–1919 годов вернуть себе территории Западной Белоруссии и Западной Украины, бывшие ее частью до раздела 1772 года, в котором, наряду с Россией принимала участие и Австро-Венгерская империя.

Цель правившего в это время в Польше Ю. Пилсудского состояла в том, чтобы восстановить страну в границах исторической Речи Посполитой и добиться доминирования в Восточной Европе. Что до цели революционной России, то ее ведущим мотивом в политике на польском направлении к весне 1920 года стала интернациональная «помощь» польскому рабочему классу и эксплуатируемому крестьянству в освобождении от власти помещичье-капиталистического правительства. По свидетельству Троцкого, у Ленина сложился твердый план – вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть [Троцкий, 1991], (Прим. 10).

Тем не менее, экспорт революции, которая по замыслу Ленина, должна была из Польши перекинуться в Германию, не осуществился. Национальные чувства поляков разных социальных слоев против своего векового поработителя России оказались сильнее классовых противоречий. Угнетенные слои поддержали свою армию, а недостаток сил у Красной армии, помноженный на ряд управленческих ошибок (в том числе, конфликт Сталина и Тухачевского) и просчетов тактического характера привели к ее жестокому поражению. Из 130 тысяч попавших в плен красноармейцев, по разным оценкам, от 28 до 80 тысяч погибли из-за крайне тяжелых условий содержания в концлагерях – от холода, голода, эпидемий. По Рижскому договору от 18 марта 1921 года, к Польше отошли Западная Белоруссия, Западная Украина и еще ряд территорий. Правительство большевиков также должно было выплачивать Польше репарации.

В польском походе с августа 1920 года участвовала и «1-я Конная армия тов. С. М. Буденного», в которой служил Бабель, оставивший о ней свои записки-новеллы. Сознательная экспорт революции в качестве главной цели польского похода, уместно начать обращение к тексту произведения с бабелевского рассказа «Солнце Италии». Его герой – «тоскующий убийца» Сидоров, изучающий итальянский язык, значками размечающий карту Рима при тусклом огарке свечи – непременно атрибута мечтателей (Прим. 11). В одну из ночей, когда Сидорова вызывают в штаб, герой-автор получает возможность ознакомиться с оставленными на столе за-

писками и, тем самым, «проникнуть в коридоры здравомыслящего безумия» [Бабель, 2018, с. 22]. Что в них?

Сидоров пишет письмо-просьбу своей приятельнице в Москву, адресуя ее в Центральный Комитет партии большевиков с тем, чтобы его командировали в Италию с целью дать толчок, как он считает, назревшей на полуострове пролетарской революции. «Нужны всего два выстрела» и один он готов произвести сам. Цель убийства – итальянский король с многочисленным семейством, уничтожение которого станет прологом победы пролетариата. Об этом же грезит изучающий английский Макар Нагульнов («Поднятая целина» М. Шолохова) и Семен Копенкин, хранящий в шапке портрет Розы Люксембург («Чевенгур» Андрея Платонова).

Но это мечта. А за окном первая покоряемая советами чужая земля. «Вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой! Насильственный пришелец, я раскидываю вшивый тюфяк в храме, оставленном священнослужителем, подкладываю под голову фолианты, в которых напечатана осанна яснотельможному и пресветлому Начальнику Панства, Иозефу Пильсудскому. Нищие орды катятся на твои древние города, о, Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе, Речь Посполитая, горе тебе, князь Радзивилл, и тебе, князь Сапега, вставшие на час!» [Бабель, 2018, с. 9–10].

Что же говорит автор о своих товарищах казаках – кубанцах, из которых и состояла конная армия? Вот малая, но яркая зарисовка. Автора – пропагандиста, очкастого еврея для проддольствия прикомандировали с одному из эскадронов. «Шлют вас, не спросясь, – сетует сопровождающий Бабеля посыльный солдат, – а тут режут за очки. <...> Мы подошли к хате с расписными венцами, квартирьер остановился и сказал вдруг с виноватой улыбкой: – Канитель тута у нас с очками, и унять нельзя. Человек высшего отличия – из него здесь душа вон. А испорть вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка» [Бабель, 2018, с. 28–29]. К счастью для повествователя доказывать таким образом свое единство с революционным воинством ему не пришлось. Будучи демонстративно игнорируемым и не приглашенным к совместной трапезе, он, пересилив себя, решается на ранее невозможное – убивает принадлежащего старой польке гуся. Но это – то, что одобряемо и он «принят в армейский коллектив» (Прим. 12).

В армии, как и в революции, свои, основанные на произволе «революционной целесообразности»

порядки. «Судьба наша индейка, жисть наша копейка, брось эти слова и послушай, коли хочешь, письмо Ленина...

– Мне письмо?

– Тебе, – и вынимаю я книгу приказов, раскрываю на чистом листе и читаю, хотя сам неграмотный до глубины души. «Именем народа, – читаю, – и для основания будущей светлой жизни, приказываю Павличенке, Матвею Родионычу, лишать разных людей жизни согласно его усмотрению» [Бабель, 2018, с. 49].

Для тех, чьим именем и ради кого, как утверждают пропагандисты, делается революция, в том числе для местного населения, одинаково плохо жить при любой из противоборствующих сторон. В западных регионах Польши это, в основном, евреи:

«– Она не может не стрелять, Гедали, – говорю я старику, – потому что она – революция ...

– Но поляк стрелял, мой ласковый пан, потому что он – контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы – революция. А революция – это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция – это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция?» [Бабель, 2018, с. 26]. У автора нет ответа.

Старый еврей сморит в корень: «– Пане товарищ, – сказал он, вставая, и цилиндр, как черная башенка, закачался на его голове, – привезите в Житомир немножко хороших людей. Ай, в нашем городе недостача, ай, недостача! Привезите добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны. Мы не невежды. Интернационал... мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории. Вот, душа, кушай, пожалуйста, имей от жизни свое удовольствие. Интернационал, пане товарищ, это вы не знаете, с чем его кушают.

– Его кушают с порохом, – ответил я старику, – и приправляют лучшей кровью» [Бабель, 2018, с. 26], (Прим. 13).

Примечателен финал «Конармии»: «И вот на двоих у нас осталась одна лошадь. Она едва вынесла нас из Ситанца. Я сел в седло, Волков пристроился сзади.

Обозы бежали, ревели и тонули в грязи. Утро сочилось из нас, как хлороформ сочится на госпитальный стол.

– Вы женаты, Лютов? – сказал вдруг Волков, сидевший сзади.

– Меня бросила жена, – ответил я, задремал на несколько мгновений, и мне приснилось, что я сплю на кровати.

Молчание.

Лошадь наша шатается.

– Кобыла пристанет через две версты, – говорит Волков, сидящий сзади.

Молчание.

– Мы проиграли кампанию, – бормочет Волков и всхрапывает.

– Да, – говорю я» [Бабель, 2018, с. 89].

* * *

Таковы поэтические и писательские краски в портрете рождающегося в революции и в Гражданской войне нового советского человека.

Примечания

1. Одним из нечастых исключений такого рода был выполненный по гранту РФФИ № 20-68-46013 в 2020–2022 гг. проект «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

2. Иные их трактовки безусловно имели место в философском осмыслении, как, например, в текстах Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка или в книгах Н. И. Бухарина, Е. А. Преображенского и Л. Д. Троцкого, равно как и в философско-художественных произведениях. Однако эти альтернативные – «вражеские, антисоветские взгляды» читающим людям далеко не всегда были известны и оказать воздействие на их сознание, естественно, не могли. См.: [Бердяев, 1990; Ильин, 1993; Степун, 2000; Франк, 1996; Бухарин, Преображенский, 1920; Троцкий, 1976].

3. А ведь именно ее обещал Великий инквизитор в финале разговора с Христом. И большевикам, как продолжателям инквизиторского дела, обещавших хлеб и уничтоживших свободу, это можно было бы ставить в укор.

4. И еще Бунин о Блоке: «Блок человек глупый».

5. От старославянского «жидовин» – скупец, скряга. За большей конкретикой – к Гоголю и Достоевскому.

6. Вспомним, например, «Красную звезду» и «Инженера Мэнни» А. Богданова.

7. О своей «Гренаде» – Розе Люксембург мечтает и красный рыцарь Степан Копенкин в «Чевенгуре» Андрея Платонова.

8. И. А. Ильин называл Бунина «Чистым художественным медиумом» [Ильин, 1959]. Ф. А. Степун, напротив, главным творческим даром Бунина полагал единство его личности с абсолютной истинностью и утверждал, что «созерцание мира умными глазами

стоит любой мирозерцательной глубины». Подробнее см.: [Ермишин, 2020].

9. Пастернаковский Живаго не только наблюдатель, но в отличие от конармейца Бабеля и его второго авторского Я, даже на время не встает ни на одну из противоборствующих сторон, видя бесчеловечность обеих, прямо не заявляя, не верит в окончательную историческую правоту как «белых», так и «красных».

10. Сам Ленин, конечно, на этот счет высказывался более осторожно. Но Троцкому в этом откровении причины не доверять нет.

11. Фигура такого мирового революционера из низов довольно типична, иначе она не появилась бы сразу у нескольких крупных авторов этой поры. Я имею в виду образ Степана Копенкина в «Чевенгуре» Андрея Платонова и Макара Нагульнова в «Поднятой целине» Шолохова. Да и Павка Корчагин во время своей службы на польской границе не был чужд интернациональных мечтаний [Островский, 1972].

12. Напомню эпизод из «Тихого Дона», в котором Григория, пытавшегося остановить коллективное изнасилование казаками молодой польки, товарищи по оружию предостерегают: не мешай, а то в бою получишь пулю в спину. [Шолохов, 2018].

13. В унисон Иосиф Уткин: «Рэб Абрум сказал: – Бо-же мой! / Евреи сказали – Беда! / Рэб Абрум сказал: – До-жи-ли! / Евреи сказали: – Да» [Уткин, 1961, с. 312].

Библиографический список

1. Бабель И. Э. Конармия. Москва : Наука, 2018. 470 с.
2. Багрицкий Э. Г. Дума про Опанаса // Однотомник. Москва : Советская литература, 1934. С. 73–90.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва : Наука, 1990. 224 с.
4. Блок А. А. Двенадцать. Москва : Книга, 1980. 88 с.
5. Бунин И. А. Окаянные дни // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. Москва : Воскресенье, 2006. С. 275–386.
6. Бухарин Н. И. Азбука коммунизма / Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. Петербург : Государственное издательство, 1920. 322 с.
7. Ермишин О. Т. Творчество И. А. Бунина: философские интерпретации // Философские науки. 2020. Т. 63. № 6. С. 10–24.
8. Замятин Е. И. Дракон // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Москва : Русская книга, 2003. С. 473–474.
9. Ильин И. А. О грядущей России. Москва : Воениздат, 1993. 367 с.
10. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Мюнхен, 1959. 202 с.
11. Ленин В. И. План речи о замене разверстки налогом // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1970. С. 371–373.

12. Маяковский В. Владимир Ильич Ленин // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. Москва : ГИХЛ, 1957. С. 231–310.

13. Никольский С. А. Аграрный курс России. Москва : КолосС, 2003. 376 с.

14. Никольский С. А. Россия накануне и после Октября. Статья первая. Иван Бунин: глядя в лицо // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3(22). С. 182–188.

15. Островский Н. А. Как закалялась сталь. Москва : Современник, 1972. 390 с.

16. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Роман. Повести. Фрагменты прозы. Москва : Сов. писатель, 1989. 735 с.

17. Светлов М. А. Гренада // Собрание сочинений в 3 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. Эпиграммы. Переводы. Москва : Худож. лит., 1974. С. 155–158.

18. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. 646 с.

19. Троцкий Л. Д. История русской революции. New York : Monad press, 1976. 480 с.

20. Троцкий Л. Д. Моя жизнь : Опыт автобиографии. Т. 1–2. Москва : Панорама, 1991. 624 с.

21. Уткин И. Повесть о рыжем Мотэле // Стихотворения и поэмы. Москва : ГИХЛ, 1961. С. 296–321.

22. Франк С. Л. Русское мировоззрение. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 738 с.

23. Шаламов В. Т. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты / сост., подгот. текста, вступ. ст., прим. И. Сиротинской. Москва : Книжный Клуб Книголек, 2013. 672 с.

24. Шкловский В. И. Бабель. (Критический романс) // ЛЕФ: Журнал Левого фронта искусств. Москва; Ленинград : Государственное издательство, 1924. № 2 (6). С. 152–155.

25. Шолохов М. А. Тихий Дон: роман в четырех книгах. Санкт-Петербург; Москва : Речь, 2018.

Reference list

1. Babel' I. Je. Konarmija = Cavalry Moskva : Nauka, 2018. 470 s.
2. Bagrickij Je. G. Duma pro Opanasa = Duma about Opanas // Odnotomnik. Moskva : Sovetskaja literatura, 1934. S. 73–90.
3. Berdjaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma = The origins and meaning of Russian communism. Moskva : Nauka, 1990. 224 s.
4. Blok A. A. Dvenadcat' = Twelve Moskva : Kniga, 1980. 88 s.
5. Bunin I. A. Okajannye dni = Cursed Days // Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 6. Moskva : Voskresen'e, 2006. S. 275–386.
6. Buharin N. I. Azbuka kommunizma = The ABC of Communism / N. I. Buharin, E. A. Preobrazhenskij. Peterburg : Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. 322 s.
7. Ermishin O. T. Tvorchestvo I. A. Bunina: filosofskie interpretacii = Creativity of I. A. Bunin: philosophical interpretations // Filosofskie nauki. 2020. T. 63. № 6. S. 10–24.

8. Zamjatin E. I. Drakon = Dragon // Zamjatin E. I. Sbornik sochinenij: v 5 t. T. 1. Moskva : Russkaja kniga, 2003. S. 473–474.
9. Il'in I. A. O grjadushhej Rossii = About the coming Russia. Moskva : Voenizdat, 1993. 367 s.
10. Il'in I. A. O t'me i prosvetlenii = About darkness and enlightenment. Mjunhen, 1959. 202 s.
11. Lenin V. I. Plan rechi o zamene razverstki nalogom = Speech Plan to Replace Rollout with Tax // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 43. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1970. S. 371–373.
12. Majakovskij V. Vladimir Il'ich Lenin = Vladimir Ilyich Lenin // Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 6. Moskva : GIHL, 1957. S. 231–310.
13. Nikol'skij S. A. Agrarnyj kurs Rossii = Agrarian course of Russia. Moskva : KolosS, 2003. 376 s.
14. Nikol'skij S. A. Rossiya nakanune i posle Oktjabrja. Stat'ja pervaja. Ivan Bunin: vgljadyvajas' v lica = Russia on the eve and after October. Article one. Ivan Bunin: peering into the faces // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 3(22). S. 182–188.
15. Ostrovskij N. A. Kak zakaljalas' stal' = How the Steel Was Tempered Moskva : Sovremennik, 1972. 390 s.
16. Pasternak B. L. Doktor Zhivago. Roman. Povesi. Fragmenty prozy = Dr. Zhivago. Novel. Stories. Prose fragments. Moskva : Sov. pisatel', 1989. 735 s.
17. Svetlov M. A. Grenada = Grenada // Sbornik sochinenij v 3 t. T. 1: Stihotvorenija i pojemy. Jepigrammy. Perevody. Moskva : Hudozh. lit., 1974. S. 155–158.
18. Stepun F. A. Byvshee i nesbyvsheesja = Former and unfulfilled. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2000. 646 s.
19. Trockij L. D. Istorija russkoj revoljucii = History of the Russian Revolution. New York : Monad press, 1976. 480 s.
20. Trockij L. D. Moja zhizn' = My life: Opyt avtobiografii. T. 1–2. Moskva : Panorama, 1991. 624 s.
21. Utkin I. Povesť o ryzhem Motjele = The Tale of the Red Motel // Stihotvorenija i pojemy. Moskva : GIHL, 1961. S. 296–321.
22. Frank S. L. Russkoe mirovozzrenie = Russian worldview. Sankt-Peterburg : Nauka, 1996. 738 s.
23. Shalamov V. T. Sbornik sochinenij v 7 t. = Collected works in 7 volumes. T. 1: Rasskazy 30-h godov; Kolymskie rasskazy; Levij bereg; Artist lopaty / sost., podgot. teksta, vstup. st., prim. I. Sirotinskoj. Moskva : Knizhnyj Klub Knigovek, 2013. 672 s.
24. Shklovskij V. I. Babel' = Babel (Kriticheskij roman) // LEF: Zhurnal Levogo fronta iskusstv. Moskva; Leningrad : Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. № 2 (6). S. 152–155.
25. Sholohov M. A. Tihij Don: roman v chetyreh knigah = Quiet Don: A novel in four books. Sankt-Peterburg; Moskva : Rech', 2018.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 31.10.2023.

The article was submitted 29.08.2023; approved after reviewing 22.09.2023; accepted for publication 31.10.2023.